

27 ЦЕК 1986

Молодежь Эстонии
г. Таллин

А ЛЮБИМОГО ЧЕЛОВЕКА ТАК ПРОСТО ИЗ ДУШИ НЕ ВЫБРОСИТЬ

— говорит актер АРВО КУКУМЯГИ

Попробуйте уложить его в рамки. Мысленно очертить схематически. Дать точное определение его характера.

Попробуйте — Арво Кукумяги не уйдет от разговора и будет честен, как на духу, и искренен, и откровенен, и всеми силами будет вам помогать, терпеливо дожидаясь очередного вопроса и, не скрывая правды, отвечая на него.

Попробуйте найти то единственное слово, или пачку слов, из которых вырисовывается Арво Кукумяги такой-то и такой-то...

Попробуйте. А я посмотрю, что из этого получится. Или, допустим, режиссер Калье Кийск внимательно послушает, не без интереса для себя узнает. Или Пеэтер Симм, который снимал его во всех своих фильмах. И любой режиссер будет весьма рад, если найдется эта внятная формула. Снимать, правда, по всей вероятности, станут с меньшей охотой, ибо, убеждена, потому и снимают, что несет он в себе — загадкой это не назывешь, и тайной — тоже, ведь простой парень, открытый очень, этот Арво Кукумяги, — то, что именно этому режиссеру, именно в этом фильме и этой роли «кислородно» необходимо.

К счастью, математика здесь не поможет. И Арво Кукумяги будут снимать. Все режиссеры, которые хоть немного в кино понимают. Если, конечно, сам Кукумяги этого захочет. Потому что может — не захотеть. И спокойно, доверчиво сказать: я кино вообще-то не очень люблю...

Так и сказал примерно, в середине нашего разговора: «Я кино и театр вообще-то не очень люблю...» И тут — округляй на него глаза, не округляй — в общем, примирай, как хочешь, но сказано: не очень. И видно: не кокетничает — это слово, которое вообще, кажется, только для женщин и актеров создано, с Кукумяги не вяжется.

А изыми его из кино... Ну, давайте, пофантазируем: поставь вместо него какого-нибудь другого актера в «Идеальный пейзаж», или в «Лесные фиалки», или в картину «Через сто лет в мае» — другие будут фильмы. А другие фильмы — это уже другой разговор. Так что кино без него не может. Не абстрактное какое-то кино, а то, которое сейчас есть, — конкретное современное эстонское кино. Благо, оно и не собирается без него обходиться. И — благо — принимает таким, каков он есть, «несформулированный» Арво Кукумяги.

... Он не таллинский — из Вярска. И сейчас, с тех пор, как ушел из Молодежного театра, где проработал три с половиной года, так и живет — между Таллином и Вярска. А точнее, между Вярска и съемочной площадкой, где бы она ни находилась. Промежутки между фильмами

бывают разными: то одна картина на другую наплывает, то — антракт, который плотно заполнен работой по дому, а ее на селе хватает, и одновременно — напряженной внутренней работой.

Отдаю себе отчет в написанном: напряженная внутренняя работа — это любому актеру подходит, расхожая, в принципе, фраза. Открываю блокнот, сверяю с написанным — слушаю Кукумяги:

— В селе работы много, это объяснять не надо. Руки заняты — голова свободна. Для чего? Для работы. Так что, с одной стороны, хорошо, что свободен именно таким образом: времени больше, не надо связываться с ерундой, которой в театре много. По-серьезнее делом занимаешься — ролями, значит. Есть время думать самому — редкая, скажу вам, возможность — все о нем (это о герое — Э. А.) узнать, все понять. А когда уже начнутся съемки — спокоен: знаешь, что к чему, что хочет режиссер. Человек уже близок.

Он не объясняет, что такое — человек близок. Не расшифровывает, рассчитывает на естественное понимание: близок в роли — это все равно, что близок в жизни. А это каждому понятно.

С другой стороны, — продолжает, — плохо, конечно, что не в театре. Труднее. Тренировка нужна — театр ее дает автоматически. Я же сам со своей психотехникой работаю. Иначе не так бы все получалось на экране, и следующую работу уже бы не дали. Никто мне, конечно, этого не объяснял — я так сам думаю. А в театре в любом случае ты эту тренировку имеешь — раз, и в любом случае при деле — два. Это важно.

Вполне честное признание. Если учесть, что из театра он ушел не сгорая, а из горячей убежденности: ему там делать нечего.

Хотя ведь делал. У Комиссарова — большая роль в «Дорогой Елене Сергеевне» — ах, как непросто был этот невыносимый, запутавшийся мальчишка. У Мати Унта — в «Торквато Тассо» — главная — великий и безумный поэт... Сказок было много. Эпизодов в больших спектаклях — хватало. Хоть бы даже, к примеру, в «Оптимистической трагедии». Все равно, говорит, ерунда. И мне не хочется заменять это слово на какое-нибудь другое, более парламентское.

Актеры, конечно, разные люди. Потому что — люди, а их одинаковых не бывает. Но опыт навязчиво диктует: все актеры, за редчайшим исключением, рассказывают обычно о том, что театр для них — главное, а кино — вроде как побочное. На моем веку Кукумяги был первым актером, сказавшим:

— Почему ушел? Черт его знает!

Но знал все-таки не

«черт». Знал Кукумяги:

— В кино надо было работать. А если большая роль — в театре не потянешь. Три месяца в экспедиции — кому это понравится? Не ладилось все, не клеилось.

— Только поэтому?

— Да нет, конечно. Не для меня это было в то время.

— А в это?

— И в это, — усмехается, — не очень, не так уж... Я вообще и театр, и кино не так уж люблю. (Вот оно!! — Э. А.) Театр — таким, какой он есть — интриги и все прочее, типа «ух, как мне надо, голову отдам». Не приверженец я никакой инстанции. А театр — инстанция. Ну, не может мой организм ерунду подряд выносить. Люблю такое искусство, которое действительно нравится, которое — действительно искусство. То, что естественно. Тогда и работать можно.

— А кино за что не любите?

— За то же. Но в кино человек гораздо свободнее себя чувствует. Ты не раб, как в театре. Делаешь не то, что дают, а то, что сам выбираешь. В кино можно выбирать.

И оба думаем о том, что это «выбирать» — тоже не такое простое. Сам не выберешь. Только по взаимности сторон — актера и режиссера, режиссера и актера. И не обсуждаем вслух, почему он сейчас поступает на Высшие режиссерские курсы в Москве. Во-первых, чтобы не проговаривать не сбывшееся еще. Во-вторых, многое понятно без слов, а то, что непонятно, вряд ли словами растолкуешь, когда речь идет о такой зыбкой и нематериальной вещи, как кино. Лучше их не произносить, чем сомневаться, дошло ли до собеседника то, что сам ты ощущаешь всей природой, а не одной лишь мыслительной способностью, именуемой интеллектом. И здесь я Кукумяги понимаю.

Хотя опять-таки, честно признаться, понять его трудно. Несмотря на неподдельную простоту и открытость. Ну, как, какими путями, каким образом занесло его на экзамены в консерваторию, если поступать собирался в университет и хотел стать геологом? Спрашиваю. И получаю искренний ответ:

— Черт его знает! Там экзамены раньше, чем в университете. Пошел — и принял.

Я уже близка к отчаянию: — Но ведь надо было же — пойти! Именно туда. Почему?

— Черт его знает! С улицы. Случайно. Не было у меня мечты стать актером. Честно говорю — не было!

Если я скажу, что не верю, он справедливо обидится. Но я не говорю не поэтому — я ему верю. Только не понимаю. А ему — к гадалке ходить не надо — все понятно: пришел на экзамены, там «этюды, ерунда всякая, сама знаешь, стихи» — приняли.

Вся комиссия во главе с Пансо, на курс Мерле Карусоо и Райво Трасса, который он и закончил. А как, почему: черт его знает.

Непонятно. Ну, что сделать, чтобы понять? Вопрос задан, ответ получен. Другого не будет. Потому что — нет. Нет другого ответа. Есть — этот. На нем и останавливаемся. А разговор идет своим путем.

Через несколько дней до меня доходит. После того, как перебираю его героев. После того, как, истратив память, логику, имеющийся запас аналитических способностей, замираю от озарения: они не поддаются формулировке, про них определенно ничего не скажешь, потому что определено про них — неизвестно.

«Идеальный пейзаж». Уполномоченный по весеннему сезону. Приехал севом руководить, не имея о нем ни малейшего представления. Но послали — поехал. Честно делает порученное дело. Пока не вмешивается в сельские проблемы — хорошо. Только сунется — мимо. Умен? Глуп? Наивен? Беззащитен — точно. Но какое это имеет отношение к сезону?..

«Лесные фиалки». Связной «лесных братьев» Тьну. Убежденности в том, что на правильном пути, нет. И пути-то еще — нет. Молод. В вечном страхе. Попробуй — выдержи. И — не выдерживает. Сам повесился? Его повесили? Разницы — никакой. Суть — трагична. Исход короткой жизни человека, не способного на предательство. И неизвестно — на что был бы способен, окажись в другой ситуации и другой среде...

«Через сто лет в мае». Линдхорст. Правая рука Кингисеппа. В результате, в конечном итоге — предатель. Да нет же, как сказал бы сам Кукумяги. Он не хотел предавать. И — не предавал. Его взяли на демонстрации. Но

была договоренность: если кто-то попадется, через 24 часа все должны уйти с конспиративных квартир. Он честно держался эти 24 часа. А Кингисепп не ушел. Разве мог Линдхорст это предположить?..

— Какой он, этот Линдхорст, Арво?

— Не могу сказать. Мой. Все они — его. Только его.

И ничьи другие.

А любимые? Есть у него, именно Арво Кукумяги, такие?

— Первая работа всегда самая любимая. Это — как первая любовь. В жизни разве не так? Первая и последняя...

Первой работой была «Татуировка» режиссера Пеэтера Симма, который привел его на съемочную площадку со студенческой скамьи, с репетиции студенческого «Гамлета». Третья новелла в альманахе «Гадание на ромашке». Мальчишка, влюбившийся в цыганку. Сын сельского полицейского. Как потрясен он был охватившим его чувством. На какие только подвиги не был способен. И — совершал их с присущей юности отчаянностью. И способен был на жертвы, на бунт во имя этой любви. Но проза жизни брала свое...

— Первая и последняя. Потому что эта, последняя, еще не кончилась, хоть и готов фильм «Через сто лет в мае». Потому что сам становишься этим человеком — героем своим. Я не могу вдруг стать Линдхорстом. Не могу, чтобы через пять минут организм стал работать в этом ритме характера, в этом темпе роли — мне надо, чтобы он смешался со мной. И выйти из него, уйти от него непросто. Ты целый год его любил, плохой он или хороший, неважно, все равно любил. А любимого человека из души так просто не выбросить...

Элла АГРАНОВСКАЯ.